

Елизавета Николаевна Водовозова

Бабуся

Елизавета Водовозова

Бабуся

«Public Domain»

1905

Водовозова Е. Н.

Бабуся / Е. Н. Водовозова — «Public Domain», 1905

«В С...кой губернии, далеко не только от железной дороги или какого-нибудь уездного городка, но даже в стороне от почтового тракта, в деревенской глуши, лежит деревенька Макаровка, принадлежащая старой помещице Александре Николаевне Осиповой. Она и в прежние годы не считалась особенно зажиточной, но всё же домик, в котором живет теперь старушка, был когда-то выстроен на барскую ногу, в два этажа, украшен резьбой и балконами с отдельной пристройкой для кухни с амбарами, кладовыми, сараями, расположенными полукругом близ барского жилья, с большим скотным двором с правой стороны, а с левой – с хорошеньким, тенистым садиком. Но теперь большая часть построек запущена, покосилась, а некоторые из них и совсем развалились. Верхний этаж дома наглухо заколочен, и Александра Николаевна ютится лишь в двух небольших комнатах нижнего этажа...»

© Водовозова Е. Н., 1905

© Public Domain, 1905

Елизавета Водовозова Бабуся

В С...кой губернии, далеко не только от железной дороги или какого-нибудь уездного городка, но даже в стороне от почтового тракта, в деревенской глуши, лежит деревенька Макаровка, принадлежащая старой помещице Александре Николаевне Осиповой. Она и в прежние годы не считалась особенно зажиточной, но всё же домик, в котором живет теперь старушка, был когда-то выстроен на барскую ногу, в два этажа, украшен резьбой и балконами с отдельной пристройкой для кухни с амбарами, кладовыми, сараями, расположенными полукругом близ барского жилья, с большим скотным двором с правой стороны, а с левой – с хорошеньким, тенистым садиком. Но теперь большая часть построек запущена, покосилась, а некоторые из них и совсем развалились. Верхний этаж дома наглухо заколочен, и Александра Николаевна ютится лишь в двух небольших комнатах нижнего этажа.

Но еще несколько лет тому назад Макаровка носила совсем другой характер: все постройки тщательно поддерживались, все уголки дома кишели жильцами, и летом из открытых окон раздавались звуки фортепьяно, хорового пения, беготня, смех и оживленный говор молодежи. То была пора, когда еще живы были дочь Александры Николаевны и двое её сыновей. Они приезжали со своими товарищами гостить к матери на вакации, и в это время к ним наезжало много гостей. Сыновья, один за другим, кончили курс в военно-учебных заведениях. Во время войны они были определены в действующую армию, и оба пали в первой стычке с неприятелем, геройски сражаясь с врагами. Бедная мать! Сколько мук испытала она, как переболело у неё сердце при одном известии, что сыновья отправляются на войну, а тут вдруг и роковая весть! Какое тяжкое горе! Они умерли в цвете лет, полные здоровья и сил, одни на чужой стороне, без материнской ласки и последнего поцелуя перед вечной: разлукой! Её дочь Катя, тогда уже взрослая, 19-ти-летняя девушка, думала, что мать потеряет зрение или сойдет с ума от слез, горя и отчаяния. Все усилия молодой девушки рассеять мать оказались тщетными, и она стала поддерживать желание старушки посетить могилу братьев на чужой стороне. Катя отлично сознавала всю трудность разыскать ее, но смотрела на это путешествие, как на единственное средство хотя бы несколько развлечь мать в её безысходной тоске.

Продав часть земли и добрую половину своего имущества, Осиповы, мать и дочь, отправились в чужие края. Страстное желание поплакать на могиле сыновей подкрепляло старушку и давало ей силы бороться с трудностями дальнего путешествия. Утомленные дорогой, они иногда останавливались отдохнуть на несколько дней в гостинице того или другого города. Днем они бродили, осматривая его достопримечательности и окрестности, а вечером дочь напевала матери своим задушевным чистым мелодичным голосом любимые песни братьев, которые теперь так дороги были её матери. Когда они выходили из своей комнаты, соседи, встречаясь с ними, замечали старушке «Какой симпатичный, сильный и прекрасный голос у вашей дочери! Она со временем, вероятно, будет знаменитой артисткой!» Вечно грустная, седая как луна старушка, сторбившаяся и постаревшая, особенно в последнее время, и, как противоположность ей цветущая молодая девушка, полная участия и предупредительности к матери, всегда зорко высматривающая, как бы устранить от неё то или другое затруднение, как бы поудобнее посадить ее, чтобы она не испытала сквозняка или ярких солнечных лучей, столь вредных для её слабых глаз, укутывающая пледом её ноги, когда холодно, согревающая питье в своих руках, привлекали внимание всех путешествующих с ними, и многие, обращаясь к старушке, говорили: «Вы имеете такой печальный вид, сударыня, а между тем вы счастливейшая из матерей!»

«Да, да, я еще не всё потеряла! – думала Александра Николаевна, с любовью глядя на дочь. – Мне есть еще для кого жить! Я должна всё устроить так, чтобы развить все способности Кати, чтобы не зарыть в землю какой-нибудь ниспосланный ей Богом талант».

Александра Николаевна, хотя и не нашла на чужой стороне дорогой для неё могилки, но возвратилась домой несколько успокоенная и с обновленными силами. Она снова распродавала в родной деревне всё, что могла, и поселилась с дочерью в столице, чтобы развивать её музыкальные способности. Катя делала быстрые успехи в музыке и пении; всё сулило ей в будущем не только счастье, но и славу. Наконец, она с блестящим успехом окончила свое музыкальное образование, и ей предложили уже дебют в опере, но она вдруг простудилась, схватила сильнейшее воспаление в легких и умерла.

Александра Николаевна осталась одна на свете, одна, как персту без родных, без друзей. Но пока она перевозила дорогой для неё прах, чтобы предать его земле в родной деревне, пока хоронила дочь, она еще крепилась кое-как... Но когда после похорон она возвратилась в свой: опустевший дом, силы ее оставили, ноги подкосились, и она грохнулась на землю без чувств.

Шесть недель пролежала она в тяжелой борьбе между жизнью и смертью. Когда она очнулась, чуть светало. Она подняла глаза и видит: одна баба спит на полу у её ног с маленькой 6-ти-летней девочкой, другая дремлет сидя, прислонившись головой к её постели. Кругом стоят кувшины с водой, валяются мокрые тряпки. Она стала соображать, память быстро возвращалась к ней, и она вспомнила свои тяжкие утраты... Ей представился с полною ясностью, с подробностями до мелочей, весь ужас одиночества, её неприглядная, болезненная старость, и она зарыдала в безысходной тоске.

– Бабуся очнулась! Бабуся очнулась – вскричала девочка, вскакивая на ноги и принимаясь расталкивать спящую возле неё женщину.

– Ну слава тебе Господи! – в один голос проговорили обе женщины, крестясь и подбегая к постели больной. – Как же тебе теперь, матушка? легче ли будет? – спрашивала ее то одна, то другая. – Но Александра Николаевна ничего не отвечала, судорожно продолжая рыдать.

– Испей-ка ты водицы болезная моя, горемычная! Христос с тобой! – говорила одна из них, взяв стакан с водою из рук подбежавшей девочки и подавая, его больной.

– Зачем вы меня выходили, зачем? Для кого мне жить? – проговорила, наконец, Осипова, отпивая глоток воды и не будучи еще в силах унять душившие ее рыдания.

– Как для кого? Нешто только и дети, что свои? Приголубь только, а их, детей-то этих, сколько хочешь у тебя наберется...

И так как Александра Николаевна опять замолчала, женщины, то одна, то другая, начали мало-помалу сообщать ей всё, что происходило с самой минуты её внезапной болезни. Когда доктор был призван, он объявил, что ее ни на минуту нельзя оставлять без сиделки. Тогда деревенские бабы решили, что он-к по очереди, по две сразу будут сидеть подле неё день и ночь. Как только ребята об этом прослышали и увидели, как за ней ухаживают взрослые, они тоже стали тянуться в горницу, просили завести очередь и между ними. «Статочное ли дело», рассуждала Марина, одна из сиделок, чтобы их тянуло к больному человеку из одной жалости! Вестимо, ребятам только не отстать бы от взрослых, во всем им подражать... А всё же, правду говорить надо, их о ту пору много погонял то за тем, то за другим, но потом не очень стали допускать: доктор велел большую чистоту и тишину наблюдать, а они то воду прольют, то стул опрокинут. А вот эта девчонка, – покойного Проккопа, так ее и протурить не за что: сидит в комнате, пошевеливнуться боится, еле дышит, и такая проворная и ловкая, что подать, сбегать куда – в одну минуту, просто огонь! «Я», говорит, «ни днем, ни ночью от бабуся не отойду»... И так с тех пор всё и торчит здесь, тут же

в уголку и подремлет... Чуть что зашуршало, а у неё, как у птицы, точно и сна не бывало, уж она на ноги вскочила...

– Как тебя зовут? – спросила Александра Николаевна, всматриваясь в лицо смуглой, черноволосой и черноглазой девочки.

– Катя, – отвечала та, потупившись, но тотчас сконфузилась, шмыгнула в дверь и выбежала из комнаты.

– Катя! – думала Александра Николаевна. – И у моей Кати были бы дети! Что ж, буду бабушкой хотя бы чужим!

– И как она первая «бабусей» тебя назвала, так за ней все ребята и подхватили – продолжала словоохотливая Марина, не смущаясь молчанием больной. – Идешь теперь от тебя поутру, повстречаешь ребят, они сейчас остановят: «а что бабуся, лучше ей?» Вот ты и нажила внучат целую деревню! Поди, Катюшка оповещать их теперь побежала, что ты очнулась... – Она остановилась, прислушиваясь. – Да кто это за дверями-то у нас шушукается? – И Марина выбежала посмотреть. – Смотри-ка, матушка, – смеясь, говорила она, возвращаясь, – полные сени внучат твоих понашло, да я их выгнала, чтобы они тебя не беспокоили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.